

Институт археологии и этнографии СО РАН
пр. Акад. Лаврентьева, 17, Новосибирск, 630090, Россия

Новосибирский государственный университет
ул. Пирогова, 2, Новосибирск, 630090, Россия

E-mail: khudjakov@mail.ru

БРОНЗОВЫЕ БЛЯШКИ С ИЗОБРАЖЕНИЕМ ВСАДНИКОВ С ТЕРРИТОРИИ МОНГОЛИИ *

Рассматриваются находки бронзовых бляшек с изображением всадников, обнаруженные на территории Монголии. Проведен типологический анализ изучаемых предметов, определена их хронология и культурная принадлежность. Судя по находкам подобных бляшек на других территориях степного пояса Евразии, изделия из Монголии должны относиться к культуре древних тюрков и периоду Первого Тюркского каганата. Анализируются основные события истории изучения бляшек, изображающих всадников, на территории Алтая, Минусинской котловины, Забайкалья, Южного Урала и Средней Азии. Обосновывается высказанное ранее предположение, согласно которому подобные бляшки первоначально начали изготавливаться согдийскими мастерами в городских ремесленных центрах Согдианы с учетом эстетических вкусов древнетюркской воинской элиты. В результате предпринятого анализа делается вывод, что в период существования Первого Тюркского каганата, в VI–VII вв. н. э., бронзовые бляшки с изображением всадников с луками и колчанами стали использоваться древними тюрками и енисейскими кыргызами в качестве украшений одежды на территории Центральной Азии, Южной Сибири и Южного Урала. Находки бляшек с территории Монголии относятся к исторической эпохе возвышения Первого Тюркского каганата. В дальнейшем подобные предметы продолжали применяться западными тюрками в VII–VIII вв. Вероятно, под влиянием древних тюрков традиция использования подобных украшений получила распространение и среди енисейских кыргызов. У енисейских кыргызов стали использоваться и другие бляшки, воспроизводящие сцены богатырской охоты. В последующий период существования в Центрально-Азиатском историко-культурном регионе Кыргызского и Кимакского каганатов, в течение IX–X вв. среди енисейских кыргызов и кимаков получили распространение бронзовые бляшки иных форм, передающие облик панцирных всадников с копьями и щитами.

Ключевые слова: Монголия, древние тюрки, Первый Тюркский каганат, бронзовые бляшки, изображения всадников.

К числу достаточно хорошо известных памятников декоративно-прикладного искусства средневекового населения степного пояса Евразии относятся бронзовые бляшки, передающие профильное изображение всадника с оружием, сидящего на коне. Подобные предметы, обнаруженные в разное время на удаленных друг от друга территориях, в течение длительного периода изучались изолированно, в качестве отдельных

редких вещей в составе предметных комплексов различных древних и средневековых культур. Введение в научный оборот ранее не известных российским ученым фигурок конных воинов с территории Монголии открывает возможность существенным образом скорректировать сложившиеся представления об этих металлических художественных изделиях в культуре средневековых тюркских кочевников.

* Исследование выполнено при поддержке Министерства образования и науки РФ: соглашение № 14.В37.21.1994 «Сравнительное исследование культуры средневековых кочевников Южной Сибири, Алтая (Россия) и Тянь-Шаня (Кыргызстан)».

Впервые данные предметы попали в поле зрения ученых еще в начале XVIII в. Тогда одна из подобных находок с изображением конного воина была осмотрена в Томске Д. Беллом, проезжавшим по Сибири в составе российского посольства в Китай. О ней известно только по краткому описанию [Зиннер, 1968. С. 51–52]. Две другие бляшки с изображениями всадников были приобретены у бугровщиков и оказались в руках ученых и любителей старины. Обе эти находки не сохранились до настоящего времени, однако их зарисовали художники Великой Северной экспедиции И. В. Люрсениус и И. Х. Бергхан, и безвестный рисовальщик из окружения одного из наследников известного горнозаводчика А. Н. Демидова. Позднее они были введены в научный оборот современными исследователями. Рисунок бляшки с изображением всадника с луком в руке из раскопанных бугровщиками могил в междуречье Оби и Иртыша оказался опубликован при издании сочинений Г. Ф. Миллера в XX в. [1999. Рис. 24, 3]. Еще одно изделие с изображением панцирного всадника с копьем в руках, найденное в Прииртышье в XVIII в., впервые стало достоянием исследователей во второй половине XVIII в. Его рисунок вместе с изображениями других находок был послан П. Г. Демидовым члену лондонского общества древностей П. Коллинсону. Они были изучены известным немецким ученым И. Р. Форстером. Найденная в Прииртышье бляшка воспроизводит всадника в шлеме и панцире с копьем в руках. За его спиной изображен щит из двух соединенных между собой окружностей [Молодин и др., 2002. С. 53–54]. В 1840-х гг. еще одну, оригинальную бляшку из с. Кулундинское в Степном Алтае, на которой изображен пеший лучник в шлеме и панцире, с округлым щитом за спиной, обнаружил исследователь Алтая и Казахстана А. И. Шренк. Эта находка сохранилась до настоящего времени в собрании Музея антропологии и этнографии в Санкт-Петербурге и в дальнейшем неоднократно издавалась [Борисенко, Худяков, 2008. Рис. 9]. В конце XIX – начале XX в. несколько различающихся между собой деталями и манерой исполнения бронзовых бляшек, передающих профильные плоскостные фигурки всадников, были обнаружены вне археологических комплексов в Минусинской котловине. В 1886 г. изображение конного воина

в панцире с копьем в руках и диском за спиной, найденное в окрестностях с. Колмаково, опубликовано в каталоге древностей Минусинского музея [Клеменц, 1886. Табл. VIII, 2/]. В 1890 г. рисунки бляшек из сёл Колмаково и Кулундинское были рассмотрены и опубликованы ученым из Финляндии И. Р. Аспелиным [Aspelin, 1890. Fig. 8, 9]. В дальнейшем колмаковскую находку вместе с близкой по форме бляшкой, найденной в окрестностях Семипалатинска, проанализировал А. А. Спицын [Савинов, 1976. Табл. I, 25]. В 1917 г. известный финляндский археолог А. М. Талльгрэн изучил бляшку с изображением всадника из коллекции находок, собранной А. П. Товостиным в Минусинской котловине, которая хранится в музее Хельсинки [Tallgren, 1917. Plan. IX, 10].

В 1925 г. при осмотре песчаных выдувов в местности Средние Дурены в долине р. Чикой в Забайкалье местный краевед П. С. Михно нашел бронзовую бляшку, воспроизводящую конного воина в халате с воротами на груди, палашом на поясе и луком в налучье за спиной. Данная находка заинтересовала Б. Э. Петри, который сравнил ее с рисунками на каменной плите из долины р. Богдын-гол в окрестностях Улусутая в Западной Монголии [Михно, Петри, 1929. С. 323, 326]. В дальнейшем эту фигурку подробно проанализировал А. П. Окладников [1951. С. 143–144].

В 1920-е гг. две бляшки, передающие изображения панцирных всадников с копьями и щитами за спиной, были обнаружены в ходе не документированных раскопок М. Д. Копытовым могильника Сростки в Верхнем Приобье [Горбунов, 2003. С. 9. Рис. 36, 1, 2]. При создании периодизации древностей Минусинской котловины в 1929 г. С. А. Теплоухов включил «бронзовое украшение» с изображением панцирного всадника из Колмаково в состав предметов, характерных для археологических материалов VIII–X вв. н. э. в Минусинском крае [1929. С. 55. Табл. II, 57]. При разработке в 1930 г. подобной периодизации культур для районов Горного Алтая и Верхнего Приобья М. П. Грязнов отнес находку бронзовой бляшки с изображением панцирного всадника из Сросткинского могильника к «поздней стадии развития железного века» [1930. С. 9].

В 1940 г. С. В. Киселев и Л. А. Евтюхова опубликовали обнаруженные в ходе раскопок Копенского чаа-таса несколько бронзовых бляшек, изображающих скачущих на конях всадников, стреляющих из луков, обернувшись назад. Эти бляшки входили в состав наборов, воспроизводящих сцены охоты с бегущими животными. Они служили украшениями передней луки конского седла [Евтюхова, 1948. Рис. 87, 88; Киселев, 1949. С. 315, 358]. В дальнейшем данные предметы были сопоставлены Л. А. Евтюховой с находками бляшек из Минусинской котловины, Степного Алтая и изображениями всадников – лучников на Кубке Мессершмидта. По мнению этой исследовательницы, композиции сцен охоты восходят к сюжету царской охоты в декоративно-прикладном искусстве средневекового Ирана времен правления династии Сассанидов. Бронзовые рельефы с изображением конных лучников, в сочетании с другими находками из Копенского чаа-таса, были отнесены ею к IX в. [1948. С. 52, 106]. Позднее С. В. Киселев подробно охарактеризовал находки копенских рельефов и других антропоморфных бляшек из Минусинской котловины и Степного Алтая, которые он определил в качестве ремесленных изделий енисейских кыргызов и датировал IX–X вв. Диски за спиной у панцирных всадников он объяснял в качестве нимбов, характерных для буддийских и манихейских изображений [1949. С. 313, 358].

В 1972 г. бляшка с изображением всадника с луком в руках была обнаружена В. А. Могильниковым в ходе раскопок памятника Гилево XII в Степном Алтае [2002. С. 31]. В 1976 г. Д. Г. Савинов включил все известные к этому времени находки бляшек всадников и пешего лучника из Верхнего Приобья, степной части Алтая и Восточного Казахстана в состав предметного комплекса, характерного для культуры кимаков IX–X вв. [1976. С. 97].

В 1980 г. автор настоящей статьи исследовал бронзовые бляшки, изображающие всадников, из собрания Минусинского музея, две из которых ранее не публиковались [Худяков, 1980. С. 146. Табл. L]. В 1982 г. Ю. А. Плотников проанализировал находки бронзовых бляшек, передающих фигуры конных воинов, с территории Южной Сибири, Центральной и Средней Азии и Север-

ного Кавказа. Он выдвинул гипотезу о том, что такие бляшки для тюрок изготавливали в ремесленных центрах Средней Азии согдийские ремесленники [1982. С. 55–58].

В 1983 г. Н. А. Мажитов в процессе раскопок средневекового Бирского могильника на Южном Урале в погребении подростка обнаружил бляшку, изображающую всадника в халате, с колчаном и налучьем на поясе [Мажитов, Султанова, 1994. С. 113]. В 1985 г. в комплексе археологических материалов из Таджикистана была опубликована заготовка бляшки из раскопок в средневековом Ходженте [Древности Таджикистана, 1985. С. 327]. Еще одна такая находка оказалась в материалах раскопок средневекового городища Канка в Чачском районе Средней Азии [Буряков, Филанович, 1999. С. 86].

В 1990 г. Ю. С. Худяков и Л. М. Хаславская рассмотрели некоторые находки бляшек, воспроизводящих фигуры всадников, из Минусинской котловины. В круг подобных предметов включен бронзовый сбруйный зажим для кисти из Южной Сибири, на котором имеется литая барельефная фигура конного воина [1990. С. 121].

В 1996 г. Ю. П. Алехин, в ходе раскопок кургана кимакской культуры на могильнике Кондратьева IV в Рудном Алтае, обнаружил в детском захоронении две бляшки с изображением панцирных всадников, вооруженных копьями, входившие в состав украшений головного убора [1998. С. 20].

В работах российских исследователей, вышедших в свет в последние годы, прослежены основные события истории изучения подобных предметов торевтики, принята их типологическая классификация по формальным признакам, определены группы предметов, характерных для разных средневековых культур, выявлены истоки распространения данной традиции в степном поясе Евразии от Забайкалья до Южного Урала. Среди выделенных форм металлических изображений всадников первые два типа определены в качестве принадлежащих культуре древних тюрок, а другие отнесены к культурам кимаков и енисейских кыргызов [Борисенко, Худяков, 2007; 2008].

В состав первого типа бляшек выделены фигуры всадников в длиннополой одежде с налучьем за спиной, колчаном или палашом на поясе на оседланных и взнузданных ло-

шадях, у которых показаны начельный султан и подшейная кисть. Ко второму типу отнесены похожие по набору реалий бляшки, у которых копыта и хвост коня соединены сплошной горизонтальной линией [Борисенко, Худяков, 2008. С. 44–45]. К другим типам отнесены фигурки панцирных всадников с копьем в руках и щитом за спиной; лучника со щитом за спиной; конных лучников, охотящихся на хищников [Там же. С. 46–49].

Одним из обширных историко-культурных районов Евразийского пояса степей, на территории которых в раннем Средневековье были в употреблении подобные предметы, является Монголия.

Впервые в этой стране бронзовая бляшка, передающая профильное изображение всадника, была найдена в Южногобийском аймаке в 1961 г. Данную редкую находку передали на хранение в аймачный краеведческий музей. Она привлекла внимание и стала объектом изучения со стороны известного исследователя культур бронзового и раннего железного веков Монголии В. В. Волкова. В своей статье он упомянул о подобных находках из Забайкалья, Алтая, Минусинской котловины, Восточного Казахстана и Северного Китая. По приведенному в его статье описанию, на южногобийской бляшке фигура коня передана в профиль, а всадника – с разворотом верхней части туловища на три четверти «к зрителю». Размеры бляшки, приведенные в статье, – 4,5 × 3 см. По мнению исследователя, на бляшке изображен «типично монгольский» конь, у которого приземистый плотный корпус, короткие толстые ноги и массивная голова на короткой шее с коротко постриженной гривой. На голове лошади султан, под челюстью подшейная кисть. На бляшке выделены чепрак, на котором показана нога всадника, нагрудный и подхвостный ремни [Волков, 1965. С. 287–288. Рис. 1, 2]. На голове воина, сидящего поверх чепрака, показаны длинные, до плеч, распущенные волосы. В качестве воинского снаряжения спереди выделен колчан с удлиненным, слегка расширенным к днищу, приемником. За локтем правой руки показан верхний, приостренный, конец налучья. Характерной особенностью южногобийской бляшки является горизонтальная линия, соединяющая все четыре ноги и нижний конец

длинного хвоста лошади, на которой сидит всадник. По этой характерной особенности изображения данная находка может быть отнесена к выделенному ранее второму типу бляшек первой группы [Борисенко, Худяков, 2008. С. 45].

В недавно вышедшем монгольском издании, посвященном разнообразным древним и средневековым бронзовым изделиям, сосредоточенным в монгольских музейных собраниях, опубликованы фото еще двух бронзовых бляшек из разных аймачных музейных коллекций [Эрдэнэчулуун, Эрдэнэбаатар, 2011. Тал. 74, 419, зур 40, 410].

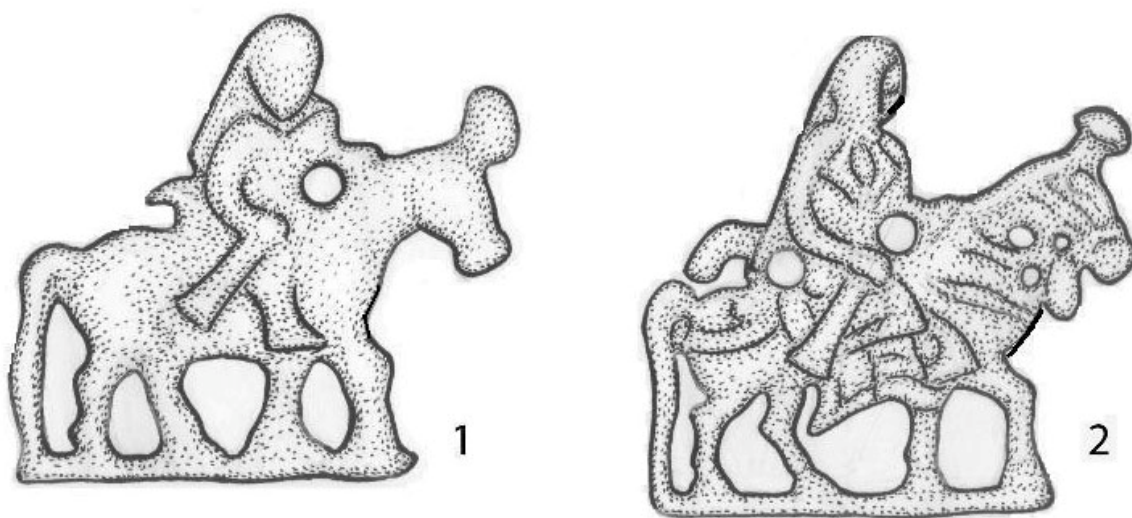
Одна из этих находок происходит из Дундгобийского аймака (см. рисунок, 1). Некоторые характерные реалии и пропорции данной фигурки заметно отличаются от находки из Южногобийского аймака, что изображены на рисунке, изданном в 1965 г. [Волков, 1965. Рис. 1, 2]. На дундгобийской находке лошадь показана в профиль, идущей слева направо. Воспроизведены крупная голова на короткой шее и плотное туловище. Выделен массивный, «грибовидный» начельный султан. Конь изображен со всеми четырьмя ногами, соединенными широкими, словно «расплывшимися» в нижней части копытами. У правой передней и задней ноги выделены коленные выступы. На задней правой ноге ниже колена показан еще один треугольный выступ. Длинный хвост свисает до земли. Всадник изображен сидящим на спине лошади, с разворотом корпуса анфас. У него крупная овальная голова, на которой не моделированы черты лица, и длинные распущенные волосы за головой, спускающиеся до плеч. Спереди, на груди, выделен треугольный вырез верхней одежды. Вероятно, человек одет в длиннополую одежду типа халата с отворотами на груди. Его руки согнуты в локтях. За правым локтем показан угловатый выступ верхнего конца налучья, внутрь которого помещен лук. Левая рука покоится на шее коня. Правая рука ладонью придерживает верхнюю часть колчана. Приемник колчана трапециевидной формы, расширенный от горловины к днищу. Ступня правой ноги воина доходит до бедра передней ноги лошади. От днища колчана в сторону правого бедра лошади выделена наклонная полоса. Вероятно, таким образом показаны ножны меча или палаша. Размеры бляшки указаны – 3, 5 × 3 см.

Между этой бляшкой и южнोगобийской находкой, описание которой было приведено в публикации 1965 г., имеются некоторые, вполне определенные отличия, хотя силуэт фигур обеих бляшек достаточно схож. У лошади на бляшке из Дундгобийского аймака не выделены грива и подшейная кисть, иначе показаны пропорции туловища и ног коня. Ноги соединены расширенными копытами. На туловище коня не изображены нагрудный и подхвостный ремни. Пропорции головы и туловища всадника также показаны иначе, чем на рисунке в публикации 1965 г. Голова представлена овальной, волосы круто спадают за плечи. Между туловищем и левой рукой имеется округлое отверстие, в то время как на рисунке, опубликованном в 1965 г., показано два отверстия с обеих сторон туловища всадника. На лошади, изображенной на бляшке из Дундгобийского аймака, не выделен чепрак. Размеры данной бляшки также отличны от тех, что приведены в публикации 1965 г. Судя по отмеченным отличиям, это две разные находки. Вероятно, данная бляшка могла крепиться или пришиваться к мягкой основе одежды либо головного убора через округлое отверстие в центре.

С предложенной монгольскими исследователями датировкой дундгобийской находки I–II вв. н. э. и ее принадлежностью

к хуннской культуре трудно согласиться. В предметном комплексе этой культуры не обнаружено подобных предметов, в то время как все схожие бляшки происходят из поселений Средней Азии и из погребения Бирского могильника на Южном Урале, которые датированы ранним Средневековьем [Эрдэнэчулуун, Эрдэнэбаатар, 2011. Тал. 74; Древности Таджикистана, 1985. С. 327; Мажитов, Султанова, 1994. С. 113; Буряков, Филанович, 1999. С. 86].

Еще одна бляшка с профильным изображением всадника происходит из Хурээмарал-сумона Баянхонгорского аймака (см. рисунок, 2). Лошадь показана в профиль, идущей слева направо. У нее изображена вытянутая голова с крупным «грибовидным» начальным султаном и свисающей под нижней челюстью овальной кистью – наузом. На голове выделены ремни узды, на шее показаны грива и поводья. На спине у лошади чепрак с оторочкой по краям, который спускается своим нижним краем ниже туловища лошади. От чепрака на груди представлен нагрудный, а на крупе подхвостный ремень. Ноги коня изображены грацильными, с расширенными коленями и копытами. На задней части крупа показан длинный хвост, который спускается до земли и соединен горизонтальной линией с копытами. Всадник изображен сидящим поверх чепрака с разворотом корпуса анфас.

Бронзовые бляшки, изображающие всадников, из Монголии: 1 – бляшка из Дундгобийского аймака (по: [Эрдэнэчулуун, Эрдэнэбаатар, 2011. Зур 40]); 2 – бляшка из Хурээмарал-сумона Баянхонгорского аймака (по: [Эрдэнэчулуун, Эрдэнэбаатар, 2011. Зур 41])

С его головы, за спиной, спадают длинные распущенные волосы, доходящие до пояса, ниже локтей. Он одет в длиннополый халат. На груди показаны отвороты халата углами в разные стороны. Подол халата с оторочкой по бортам свисает нижней полой ниже колен человека. Его руки согнуты в локтях. Левая рука ладонью покоится на шее лошади. Вероятно, этой рукой он держит поводья. Кисть правой руки на горловине колчана. Правая нога воина в широкой штанине и мягком сапоге достигает подошвой до нижнего края чепрака. Колчан трапециевидной формы с приемником, расширяющимся к днищу. За спиной у наездника показан верхний изогнутый конец налучья. С обеих сторон туловища седока находятся достаточно крупные округлые отверстия. Три малых округлых отверстия имеются вокруг повода и подшейной кисти. Вполне возможно, что эти отверстия имели некоторое функциональное назначение – через них бляшка нашивалась или иным образом крепилась на органическую основу одежды или головного убора. В качестве близкой, хотя и не полностью тождественной аналогии с баянхонгорской бляшкой можно указать на находку из Бирского могильника [Мажитов, Султанова, 1994. С. 113].

Предложенная авторами датировка находки IV в. н. э. [Эрдэнэчулуун, Эрдэнэбаатар, 2011. Тал. 419] представляется несколько заниженной. В памятниках культур «предтюркского» времени подобных бляшек не обнаружено, а все датированные находки относятся к хронологическому диапазону с V по VIII в. н. э. [Древности Таджикистана, 1985. С. 327; Мажитов, Султанова, 1994. С. 113].

В соответствии с разработанной ранее схемой классификации подобных предметов, все три бронзовые бляшки, воспроизводящие фигуры всадников, найденные на территории Монголии, могут быть отнесены ко второму типу [Борисенко, Худяков, 2008. С. 45]. За пределами Монголии две бляшки данного типа найдены в Минусинской котловине и одна в Бирском могильнике на Южном Урале [Худяков, 1980. С. 146; Табл. L; Мажитов, Султанова, 1994. С. 113]. В составе датированного погребального комплекса обнаружена только одна такая фигурка в вышеназванном южноуральском некрополе.

Определить назначение, хронологию и культурную принадлежность, а также пути распространения таких предметов на территории Монголии достаточно сложно. В Бир-

ском могильнике бляшка, похожая на баянхонгорскую, была найдена в захоронении подростка [Мажитов, Султанова, 1994. С. 113]. В памятниках культуры кимаков бляшки, изображающие панцирных всадников, также найдены в детском захоронении [Алехин, 2003. С. 6]. Вероятно, они входили в состав украшений головного убора. Означает ли это, что все подобные фигурки являются украшениями именно детских или подростковых головных уборов тюркских и кимакских, а может быть, и кыргызских номадов, сказать трудно. Вполне возможно, что подобные изделия, как и другие подвески с изображением головы воина в шлеме, входили в состав набора украшений не только детей, но и взрослых. Аналогичные изделия были обнаружены в курганах культуры кимаков и в Степном Алтае [Могильников, 1981. С. 44. Рис. 26, 86, 87].

Исследователи художественного творчества средневековых культур Средней Азии высказывали мнение, что подобные предметы ведут свое происхождение из согдийской торевтики и монументальной живописи [Пугаченкова, Ремпель, 1982. С. 242]. В согдийских ремесленных центрах Канка и Ходжент, в слоях, датированных VII–VIII вв., найдены заготовки и полностью изготовленные бляшки, передающие близкие по конфигурации монгольским находкам фигуры всадников на лошадях с султанами и подшейными кистями, с подвешенными к поясу колчаном и налучьем, относящиеся к первому типу подобных изделий [Древности Таджикистана, 1985. С. 327; Буряков, Филанович, 1999. С. 86; Борисенко, Худяков, 2008]. За пределами Согдианы аналогичные бляшки первого типа найдены в Забайкалье и Минусинской котловине [Борисенко, Худяков, 2008. С. 44–45; Рис. 1, 1, 2, 4; 7, 3]. Их ареал может свидетельствовать о распространении торговой активности согдийских купцов на Восточную и Южную Сибирь – древних тюрок, енисейских кыргызов и телесских племен байырку. Бляшки второго типа, передающие всадников на лошадях, с колчаном на поясе, горизонтальной линией под копытами, распространены значительно шире в степном поясе Евразии, чем бляшки первого типа. Они обнаружены в южных районах Монголии, в Минусинской котловине и на Южном Урале. Ареал их распространения можно соотнести с периодом наибольшей территориальной экспансии древних тюрок в период существования Первого Тюркского каганата в VI–VII вв. н. э. Однако, если учитывать

датировку находки из Бирского могильника VIII в. н. э., такие бляшки продолжали бытовать и в последующем, т. е. в период существования Западного и Восточного Тюркских каганатов. Некоторые из этих предметов, наиболее совершенные в техническом исполнении, могли быть отлиты в ремесленных центрах Средней Азии, где изготавливались украшения и другие вещи для торговли с тюркскими народами. В одном из таких городов – Ходженте, обнаружена заготовка подобной фигурки, что свидетельствует в пользу предположения о производстве таких вещей согдийскими литейщиками [Древности Таджикистана, 1985. С. 327]. Однако в то же время некоторые бляшки могли производиться тюркскими и киргизскими мастерами. Например, довольно схематичная, стилизованная фигурка всадника из Бейского местонахождения в Минусинской котловине могла быть отлита киргизскими литейщиками в подражание привозным образцам [Борисенко, Худяков, 2008. С. 45]. В этот же период из Согдианы или Ирана в Минусинскую котловину попали Копенские рельефы, в составе наборов которых были фигурки всадников, стреляющих из луков, обернувшись назад.

В дальнейшем, в эпоху Кыргызского Великодержавия, во время завоевания Центральной Азии в IX–X вв., в культурах енисейских киргизов и кимаков приобрели популярность бляшки другого типа – с изображением панцирных всадников с копьями в руках и щитами за спиной. В редких случаях бляшки изображали пеших и конных воинов с настороженными луками в руках. Только одна бляшка (из могил между Обью и Иртышом) воспроизводит скачущего всадника с луком в одной руке, у которого нет щита за спиной. На территории Восточного Туркестана, входившего в этот период в сферу киргизской военной экспансии, были найдены бляшки, изображающие оседланных лошадей без всадников [Худяков, 1996. С. 185].

Вероятно, переданный на бляшках образ всадника, вооруженного луком и стрелами, копьями и защищенного шлемом и панцирем, в полной мере соответствовал идеалу воина у древних тюрков, енисейских киргизов и кимаков. Судя по ареалу распространения бронзовых бляшек с изображением всадников, относящихся к первому и второму выделенным типам, в числе которых и находки из Южногобийского, Дундгобийского и Баянхонгорского аймаков Монголии, они должны датироваться временем

наибольшего военного могущества древних тюрков, периодом существования их империи, возглавляемой каганами из правящего рода Ашина, т. е. второй половиной VI – началом VII в. н. э. Эти находки являются важным свидетельством распространения власти Первого Тюркского каганата на южные и центральные районы Монголии.

Список литературы

Алехин Ю. П. Мировые религии и мировоззрение народов Южной Сибири в VIII–X вв. (по материалам Рудного Алтая) // Сибирь в панораме тысячелетий: Материалы Международного симпозиума. Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 1998. Т. 1. С. 12–20.

Алехин Ю. П. Рудный Алтай в эпоху средневековья // Исторический опыт хозяйственного и культурного освоения Западной Сибири. Барнаул: Изд-во АлтГУ, 2003. Кн. 1. С. 3–9.

Борисенко А. Ю., Худяков Ю. С. Из истории изучения бронзовых бляшек с изображением всадников, относящихся к культурам средневековых кочевников Южной Сибири и Центральной Азии // Вооружение и военное дело кочевников Сибири и Центральной Азии. Новосибирск, 2007. С. 99–114.

Борисенко А. Ю., Худяков Ю. С. Изображения воинов на торовитке тюркских кочевников Центральной Азии раннего Средневековья // Археология, этнография и антропология Евразии. 2008. № 4 (36). С. 43–53.

Буряков Ю. Ф., Филанович М. И. Чач и Илак // Средняя Азия и Дальний Восток в эпоху средневековья: Средняя Азия в раннем средневековье. М., 1999. С. 78–99.

Волков В. В. Гобийский всадник // Новое в советской археологии. МИА. М., 1965. № 130. С. 286–289.

Горбунов В. В. Военное дело населения Алтая в III–XIV вв. Барнаул: Изд-во АлтГУ, 2003. Ч. 1: Оборонительное вооружение (доспех). 174 с.

Грязнов М. П. Древние культуры Алтая // Материалы по изучению Сибири. Новосибирск, 1930. № 2.

Древности Таджикистана: Каталог выставки. Душанбе: Дониш, 1985. 343 с.

Евтюхова Л. А. Археологические памятники енисейских киргизов (хакасов). Абакан, 1948. 110 с.

Евтюхова Л. А., Киселев С. В. Чаа-гас у села Копены // Тр. Государственного исторического музея: Сб. ст. по археологии СССР. М., 1940. Вып. 11. С. 21–54.

Зиннер Э. П. Сибирь в известиях западно-европейских путешественников и ученых XVIII в. Иркутск: Вост.-Сиб. кн. изд-во, 1968. 247 с.

Киселев С. В. Древняя история Южной Сибири // МИА. М.; Л., 1949. № 9. 362 с.

Клеменц Д. А. Древности Минусинского музея: памятники металлических эпох. Атлас. Томск: Тип. «Сибирской газеты», 1886. 21 табл.

Мажитов Н. А., Султанова А. Н. История Башкортостана с древнейших времен до XVI века. Уфа: Китап, 1994. 360 с.

Миллер Г. Ф. История Сибири. 2-е изд., доп. М.: Вост. лит., 1999. Т. 1. 630 с.

Михно П. С., Петри Б. Э. Чикойский всадник // Тр. секции археологии Ин-та археологии и искусствоведения РАНИОН. М., 1929. Т. 4. С. 323–328.

Могильников В. А. Кимаки // Степи Евразии в эпоху средневековья. Археология СССР. М.: Наука, 1981. С. 43–45.

Могильников В. А. Кочевники северо-западных предгорий Алтая в IX–XI веках. М.: Наука, 2002. 362 с.

Молодин В. И., Худяков Ю. С., Борисенко А. Ю. Одна из первых публикаций XVIII в. по археологии Сибири // Этнографо-археологические комплексы: проблемы культуры и социума. Новосибирск: Наука, 2002. Т. 5. С. 38–57.

Окладников А. П. Конь и знамя на Ленских писаницах // Тюркологический сборник. М.; Л., 1951. Вып. 1. С. 143–154.

Плотников Ю. А. О предназначении литых фигур, изображающих всадников // Материалы XX Всесоюз. науч. студ. конф. «Студент и научно-технический прогресс». История. Новосибирск, 1982. С. 55–59.

Пугаченкова Г. А., Ремпель Л. И. Очерки искусства Средней Азии: древность и средневековье. М.: Искусство, 1982. 288 с.

Савинов Д. Г. Расселение кимаков в IX–X вв. по данным археологических источников // Прошлое Казахстана по археологическим источникам. Алма-Ата, 1976. С. 94–104.

Теплоухов С. А. Опыт классификации древних металлических культур Минусинского края. Л., 1929. Т. 4, вып. 2. С. 41–61.

Худяков Ю. С. Вооружение енисейских кыргызов VI–XII вв. Новосибирск: Наука, 1980. 176 с.

Худяков Ю. С. Кыргызы в Восточном Туркестане // Кыргызы: этногенетические и этнокультурные процессы в древности и средневековье в Центральной Азии. Бишкек, 1996. С. 180–194.

Худяков Ю. С., Хаславская Л. М. Иранские мотивы в средневековой тюркитике Южной Сибири // Семантика древних образов. Новосибирск: Наука, 1990. С. 118–125.

Эрдэнэчулуун П., Эрдэнэбаатар Д. Тэнгриин илд. Хурэл зэвсгийн уе, хунну гурний хурэл эд Олгийн соел. Улаанбаатар: Нарлаг Монгол Оноодор, 2011. 496 тал. (на монгол. яз.)

Aspelin J. R. Types de peuples de l'ancienne Asie Centrale: Souvenir de L'Iénisséi dedie a la Societe Imperiale d'Archéologie de Moscou. Helsingfors: Impr. de la Société de littérature finnoise, 1890. 14 p.

Tallgren A. M. Collection Tovostine des antiquités préhistoriques de Minoussinsk conservées chez le Dr. Karl Hedman à Vasa. Chapitres d'archéologie sibérienne. Societe Finlandaise d'Archéologie. Helsingfors: K. F. Puumiehen Kirjapaino O. Y., 1917. 93 p.

Материал поступил в редколлегию 10.01.2013

Yu. S. Khudyakov

BRONZE PLAQUES WITH DEPICTED RIDERS FROM MONGOLIA

The article deals with the finds of bronze plaques depicting riders found on the territory of Mongolia. Held typological analysis of the studied findings, to determine their chronology and cultural affiliation. According to the findings of similar plaques in other areas of the steppe belt of Eurasia, the findings from Mongolia should relate to the culture of the ancient Turks and the period of the First Turkic khanate. Analyzes the main events in the history of studying the plaques depicting riders in the Altai, Minusinsk depression, Transbaikalia, Southern Urals and Central Asia. Substantiates the view expressed earlier assumption that such plaques originally started making Sogdian masters in urban craft centers Sogdiana with the aesthetic tastes of ancient Turkic military elite. As a result of analysis, it is concluded that during the period of the First Turkic khanate in the VI–VII centuries, bronze plaques depicting riders with bows and quivers were used by the ancient Turks and Yenisei Kyrgyz as jewelry clothes in Central Asia, Southern Siberia and South Urals. Finds plaque from Mongolia are historical epoch of elevation of the First Turkic khanate. In the future, these items would continue to apply in the Western Turks VII–VIII centuries. Probably influenced by the ancient Turks tradition of using such jewelry has spread among the Yenisei Kyrgyz. In the Yenisei Kyrgyz have used other patches, reproducing scenes heroic hunting. Since then, the existence in the Central Asian historical and cultural region of the Kyrgyz and Kimak khanates, for a period of IX–X centuries. Among the Yenisei Kyrgyz and Kimaks a proliferation of other forms of bronze plaques that transmit image armored horsemen with spears and shields.

Keywords: Mongolia, the ancient Turks, the first Turk khanate, bronze plaques, images of riders.